

Валерий Киселёв

КАКОЙ НАРОД, ТАКАЯ И АРМИЯ

Вооруженные Силы России глазами
журналиста

Валерий Павлович Киселев
Какой народ, такая и
армия. Вооруженные Силы
России глазами журналиста

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40942668

ISBN 9785449632708

Аннотация

Российская армия во время реформ на рубеже тысячелетий. Как изменилась наша армия за эти годы? Какой опыт могут и должны передать ветераны Вооруженных Сил будущим воинам?

Содержание

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ ПРОШЛИ КАК МИГ	5
Охотники за караванами	6
Преферанс, драка, и – война	8
Орден или отпуск	9
«Противника мы уважали»	10
Афганистан – как светлый луч	11
АФГАНСКИЙ КРЕСТ РОССИИ	13
«К обстрелам привыкли быстро...»	15
«Во попали! Бери голыми руками...»	17
«Почувствовать себя настоящим солдатом...»	19
«Командиры винули себя...»	20
«Случалось, и плакали...»	22
«Душманы стойкие были ребята...»	23
«Как все ждали писем из дома...»	24
«Мы были заняты делом...»	26
«Этим должно заниматься государство...»	27
СОЛДАТСКИЙ ОПЫТ НЕ ПОМЕШАЕТ	29
МАМЫ ПРОТИВ «ДЕДОВЩИНЫ»	36
«КОНДОР» ПОДАЕТ СИГНАЛ БЕДСТВИЯ	43
ЮНОСТЬ ПОД КИРЗОВЫМ САПОГОМ	48
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Какой народ, такая и армия Вооруженные Силы России глазами журналиста

Валерий Киселёв

© Валерий Киселёв, 2019

ISBN 978-5-4496-3270-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ ПРОШЛИ КАК МИГ

Когда в Афганистан вошли первые части десантников, еще учились в первом классе те мальчишки, кому предстояло уходить оттуда последними. У каждого прошедшего Афганистан своя память, своя боль, но объединяет их одно – боевое братство.

Охотники за караванами

Валерий Елкин в 1984—1985 годах служил в одной из самых элитных частей Советской Армии – в бригаде спецназа ГРУ. Без таких частей в Афганистане не могли обойтись с самого начала.

– Бригада стояла под Тбилиси, а в феврале 84-го мы пересекли границу возле Кушки, – вспоминает Валерий. – В Афганистан входили всей частью. Были у нас и молодые, и дембеля, кому оставалось дослужить какой-то месяц. Все были добровольцами. Прошли Кандагар и недалеко от аэропорта разбили свой городок. У каждой роты была своя зона ответственности, задача – перехват караванов душманов с оружием. Разведка работала хорошо, и, получив данные, уходили на задание.

Экзотика Востока была впечатляющей: мулла орет с утра, женщины в паранджах, жара, как в бане, с особым запахом пыль.

Уходили обычно на трое суток. Минировали тропы, где мог пройти караван. В караване – машины душманов типа нашего «Атамана», с привернутыми пулеметами. Обычно три-пять машин, бывало до десяти. Мы сидим в горах, ждем. Все это только ночью. Днем душманы отсиживались в кишлаках, в пещерах. Зашел караван в зону обстрела – подрываем фугас, начинается шквал огня. Весь бой – минут десять,

и все кончено. Потом оружие каравана забираем с собой, если его много – вызываем «вертушки». Через год склад в части был забит этим оружием.

Первая кровь? На своей растяжке подорвался солдат-дебель. Если не попадали в засаду, то потери были всегда небольшие. У нас во взводе за весь период убитыми – семь человек за полтора года. А вот раненых было много. Ходили налегке, без бронежилетов, брали с собой только воду, немного сухпайка и боеприпасы.

Преферанс, драка, и – война

Для Вадима Гладкова дорога в Афганистан началась необычно:

– Служил в Герате старшим лейтенантом. Играли в преферанс, подрались. Мне светил выговор по партийной линии. На парткомиссии предложили ехать служить в Афганистан. Как человек сознательный, я отказываться не стал. Служил в 104-й воздушно-десантной дивизии, командовал которой генерал Павел Грачев. Кстати, как о командире дивизии я о нем очень высокого мнения – он старался беречь солдат и офицеров. Я был начальником разведки батальона. На операции нас забрасывали вертолетами на несколько дней, но могли прошарахаться и три недели.

Каждый такой выход на задание мог закончиться бедой...

– Ничего не боятся только полные идиоты, – считает Вадим Гладков. – Мы знали: что бы ни случилось, нас не бросят, выручат или вытащат.

Он был ранен в разведке.

– В высокогорном районе уничтожили два склада с боеприпасами, – вспоминает Вадим, – но всей ротой попали под плотный минометный обстрел. Накрыло миной. Осколочные ранения в голову и позвоночник. Эвакуировали только через сутки. Провалился два с половиной месяца.

Орден или отпуск

Андрей Захаров в 1983—1985 годах служил в десантно-штурмовой группе Пянджского пограничного отряда, закончил старшиной.

– Мы занимались только зачистками, прочесыванием кишлаков, – вспоминает Андрей. – Вглубь Афганистана летали не больше чем на двести километров.

За Таш-Курганскую операцию его представили сначала к ордену Славы, потом наградной переписали на Красную Звезду. От награды он отказался, о чем ничуть не жалеет, предпочел отпуск, его как раз выделили один на 180 человек.

– Замполит положил на стол наградной лист и отпускные документы: «Выбирай», – вспоминает Андрей. – А нельзя вместе?

Но до ухода в отпуск он успел получить пулевое ранение в операции в горах Памира.

«Противника мы уважали»

Душманы были сильным противником, воевали смело.

– Умение владеть оружием пуштуны воспринимают с мо-
локом матери, – вспоминает Вадим Гладков. – С чеченцами
их и близко не поставит. Воевали духи грамотно, по стрел-
ковому вооружению нам не уступали. Оружие у них было
из США, Италии, много было китайского оружия. Прави-
тельственные войска Кабула они молотили в пух и прах.
А противника мы уважали.

– Мы пришли помогать правительственным войскам, –
вспоминает Валерий Елкин, – а им все было до лампочки.
Нам прямо говорили: «Что вы здесь делаете? Мы сами меж-
ду собой разберемся». Без поддержки нашей артиллерии они
не воевали. Прочесываем кишлак, потом идут «зеленые»,
правительственные войска. Мы выходим из кишлака налег-
ке, а они тащат ковры, тюки. Поэтому помогать им не было
настроения. Если о наших планах узнают «зеленые», то это
значило, что знают и духи.

– Военным путем проблему Афганистана было не ре-
шить, – уверен Вадим Гладков. – Надо было или полностью
выбить мужчин, или вообще туда не лезть. Местное населе-
ние охотно принимало нашу помощь – муку, сахар... Кля-
лись, что они за народную власть, а уходим – ставят мины
на дороге.

Афганистан – как светлый луч

Для Валерия Елкина служба в Афганистане в целом вспоминается так: «Это было самое главное дело в моей жизни, луч света. Я честно выполнил свой долг».

Если сначала советские солдаты воевали и думали, что они выполняют свой интернациональный долг и защищают южные рубежи Родины, то скоро эти высокие чувства отошли на задний план. Надо было мстить за погибших товарищей, выполнять приказы и боевые задачи.

– Мы с обидой восприняли, когда о войне в Афганистане стали говорить только негативно, – сказал В. Елкин. – Когда мы были там – страна молчала. Думали, что вернемся – и Родина встретит нас как героев. А вернулись – ничего.

Валерий Елкин, отслужив в армии, поступил на рабфак, потом в политехнический институт. А работать стал все же скорее по военной специальности – начальником службы безопасности в банках, крупных фирмах. Женат, есть сын.

Снится ли Афганистан?

– Нечасто, но бывает, – с грустью говорит Валерий.

Вадим Гладков считает, что его жизнь после Афганистана сложилась нормально:

– Работал на заводе. Двое детей, старший сын учится в институте.

Что такое «афганский синдром», знает хорошо:

– Год, наверное, я крепко после работы выпивал. Но потом справился с этим.

К сожалению, не у всех солдат, прошедших Афганистан, все нормально с психикой.

– В год в городе и области кончают жизнь самоубийством по двенадцать-семнадцать «афганцев», – рассказал Вадим Гладков. – В области на войне погибло 156 человек, а после войны за десять лет больше покончили жизнь самоубийством.

Андрей Захаров после службы в Афганистане вернулся на родной нефтеперерабатывающий завод в Кстове.

– Сначала я не мог понять, что здесь творится, – вспоминает он. – Я думал, что меня ждут на родном предприятии, но при первой же тарификации сразу понизили разряд. Скоро понял, что на предприятии никому не нужен. Помог комсомол. Стал поднимать первый в Кстове военно-патриотический клуб.

С 1990 года он возглавляет детский оздоровительный центр, в пяти клубах которого занимаются 570 ребят. По организации работы с детьми центр занял первое место в России.

– Эти двадцать лет пролетели как один день, – рассказал Андрей. – Постоянно переоборудовал подвалы под спортзалы для занятий с детьми. Все приходилось выбивать. Целое поколение выросло за это время. Можно сказать, что я нашел свое дело в жизни.

АФГАНСКИЙ КРЕСТ РОССИИ

25 декабря 1979 года решением Политбюро ЦК КПСС в Афганистан были введены советские войска. С этого дня не только для многих военных, но и для миллионов семей в СССР жизнь разделилась на две части: до и после Афгана. Это была, хотя и необъявленная, но самая длительная война, которую вел в своей истории Советский Союз – более 9 лет. 15 февраля 2009 года исполнится 20 лет со дня вывода советских войск из Афганистана. Для десятков тысяч матерей и отцов Афганистан навсегда останется символом гибели их сыновей, для сотен тысяч ветеранов – символом их боевой юности.

По официальным данным, всего военную службу в Афганистане прошли 620 тысяч советских военнослужащих. Из них 546 тысяч были непосредственными участниками боевых действий. За 9 лет войны 14433 человека убитыми потеряла Советская Армия в Афганистане. К этим потерям надо прибавить 180 погибших военных советников, 584 человека из других ведомств. Количество раненых составляет 49985 человек. Огромны санитарные потери – более 415 тысяч человек.

Не обошла афганская война и наш регион. В Афганистане воевали более 6,5 тысячи нижегородцев. 189 из них погибли,

834 вернулись ранеными, 155 стали инвалидами. Но воевали наши земляки достойно: около половины – 3021 человек – были награждены орденами и медалями.

Что осталось в памяти у тех, кто прошел Афганистан...

«К обстрелам привыкли быстро...»

Валерий Бирюков, председатель Нижегородского областного отделения Российского Союза ветеранов Афганистана:

– Меня призвали в армию в день моего рождения, 10 мая 1980 года. Сначала попал в Дмитров, в школу военного собаководства. Из Горьковской области нас было 30 человек. Начали комплектовать команду в Туркестанский военный округ. Меня оставляли в спортроте, но я попросился вместе с земляками, и меня зачислили в эту команду. Когда на вечерней поверке командир назвал в этом списке и мою фамилию, все ребята закричали «Ура!». Это было приятно слышать. Из 30 горьковчан нас из Дмитрова полетели в Туркестан 27 человек.

Прилетели 30 мая в Ашхабад, в учебный полк, в сапогах и пилотках, а была уже жара. Жили в палатках, подготовка, причем очень серьезная, шла на полигоне – вместе со змеями, скорпионами, фалангами, но ничего, привыкли. Две недели тренировались в горах. Все мы прекрасно понимали, что скоро поедем в Афганистан, хотя мало себе представляли, что нас там ждет. 18 ноября из Ашхабада мы прилетели в Кабул, на пересылке распределили, кого куда. Я, в звании младшего сержанта, попал в 181-й мотострелковый полк, стоял он в Кабуле. Зона ответственности полка была –

от Термеза до южной окраины Джелалабада. К обстрелам привыкли быстро, это даже казалось нормальным явлением. В 18 лет об этом мало задумывались. В перерывах между боевыми действиями сопровождали колонны с грузами. На месте не сидели, каждый день было что-то новое.

«Во попали! Бери голыми руками...»

Сергей Подпечкин, полковник в отставке:

– В 1981 году я служил в Горьком, в 60-й танковой дивизии инструктором политотдела, старшим лейтенантом. В июне 81-го через управление кадров, по приказу, был направлен в Афганистан. В тот момент ехать туда большого желания не было: только что родился сын. Но приказ есть приказ. Самолетом через Ташкент – в Кабул, а оттуда нас развезли по гарнизонам. Я попал в Шиндант, в 5-ю гвардейскую мотострелковую дивизию, замполитом в отдельный разведывательный батальон. Зона ответственности дивизии была – от Кушки до Кандагара, до 300 километров. Задачи – сопровождение колонн, разведка. Обстановка была сложной, напряженной. Боевые действия – не сказать, что были активны, но засады и обстрелы – постоянно. Нам, как разведчикам, приходилось мотаться много. Взаимодействие с афганской армией было, но не напрямую. Они воевали, а мы обеспечивали их, подстраховывали. С нашей стороны активных боевых действий, как правило, не было. Климат напрягал – пока к нему привыкнешь. Жара донимала...

Ситуации были разные... Однажды шли в колонне на Кандагар. БМП наша встала, а колонна ушла. Мы копались в двигателе, я и водитель, подняли трансмиссию. Вдруг – смотрю, кто-то стоит рядом, бородастый. Оглянулся – чело-

век 10—12 в чалмах, с автоматами. Я и не увидел, как подъехала их «барбухайка» с колокольчиками. «Все, — думаю, — приехали... Во попали! Бери голыми руками...» А у меня и пистолет сзади на ремне, и руки в машине. Что-то они поговорили, я не понимаю, вдруг сели в свою машину и уехали. После этого пистолет стал носить за пазухой.

«Почувствовать себя настоящим солдатом...»

В. Бирюков:

– Я был самый молодой в полку, ушел в армию мальчишкой. А через полгода был зам. командира взвода, еще через месяц – старшиной роты.

Дедовщина у нас была, но – правильная. Бытовые проблемы лежали на молодых, но воевали-то старики. В горах тащишь свои 30—40 килограммов, да за молодого половину этого веса. Практически на себе тащишь еще один свой вес. Нагрузки были громадные. К этому надо добавить перепады температур в горах – то жара, то снег. Но все равно интересно было – почувствовать себя настоящим солдатом. Война многих закалила. Героем я никогда не был. Попадали в окружение, но выходили успешно.

После учебки я думал, что умею все, но оказалось – далеко не так, надо учиться. За полгода до дембеля мог сказать, что профессионал, и то каждая боевая ситуация – надо учиться.

«Командиры винили себя...»

С. Подпечкин:

– Потери в батальоне были. Тяжело к ним все относились. Командиры винили себя в первую очередь. Думаешь: что недосмотрел? Не догадался, не додумал... Сам себя ругаешь. Но чувства обреченности у солдат не было. Случались и срывы, конечно, но таких поправляли, выводили из стресса. У меня был хлопчик, так переживал, что из-за него, как он считал, погиб его товарищ. Он винил себя, что не успел в бою ему помочь. Парень впал в депрессию, замкнулся. Неделю я его от себя не отпускал. Тяжелым было ожидание боя... Нападали душманы исподтишка. Некоторые наши солдаты очень боялись, другие держались настороженно, но бравады не было, а таких немногих быстро ставили на место. Очень люди ценили, когда их награждали. Это радовало всех. Офицеры это спокойней воспринимали, а солдаты, были случаи, даже убегали из госпиталя в часть, чтобы попасть в строй на процедуру награждения.

Тогда еще было ощущение, что мы выполняем интернациональный долг. Конечно, когда солдат в атаку идет, он о Родине не думает, здесь другие чувства. Думали больше о товарищах, как их не подвести. Я, как замполит, говорил солдатам прописные истины, больше напирая на необходимость сплочения коллектива. Очень большое значение при-

давалось формированию нормальных межличностных отношений. Некоторые трусили – все было. Хотя говорили мы, политработники и командиры, и о больших вещах, что мы защищаем здесь наши южные границы, и люди это понимали. Солдаты знали свои обязанности, знали, зачем они здесь находятся. Уровень подготовки наших солдат был хороший. Все – с учебок. Хотя просчеты и были. Не все, конечно, были специалисты, приходилось и на ходу учиться. Сержанты и младшие офицеры были достаточно толковые. Обстановка кого-то отодвигала на второй план, кого-то выдвигала в лидеры.

«Случалось, и плакали...»

В. Бирюков:

– Лично для меня это было лучшее время моей жизни, хотя были не только приятные, но и печальные моменты, и гибель друзей. Потери были, но небольшие. Случалось, и плакали, не без этого. Бывало, что парень, с которым вчера разговаривал – погибал, как, например, наш запевала роты.

А домой писал, что все нормально. Некоторые из нас писали, что служим в Германии. Информации в газетах о той войне не было, только центральные иногда писали о доблестной афганской армии, которая разгромила банду в каком-нибудь ущелье. Мы читали и посмеивались, мы все понимали...

«Душманы стойкие были ребята...»

С. Подпечкин:

– Наш противник был – достаточно подготовленный. Душманы оружие свое знали хорошо, воевали грамотно. Стойкие были ребята. Правда, вряд ли они понимали, за что воюют – их умело обманывали полевые командиры.

Местное население к нам относилось в ту пору хорошо. У нас были специальные подразделения, которые вели агитационную работу, раздавали продовольствие, кое-что из одежды, давали концерты. Военные из афганцев к нам тоже хорошо относились, тем более, что многие из афганских офицеров учились в наших военных училищах. Афганская армия состояла в основном из крестьян. Грамотность у них была на нуле. Вытаскивали такого солдата в цивилизацию, ставили в строй, а он не понимал, за что воевать. Боевой дух у афганцев был невысоким. Лидеры в стране менялись, как перчатки, а некоторых и мы меняли. Авторитетом большим они не пользовались. Мулла в деревне имел больше авторитета, чем президент страны.

«Как все ждали писем из дома...»

С. Подпечкин:

– Многим после нескольких месяцев боевых операций нужен был отдых, длительный и хороший. Многим после Афганистана предлагали поправить здоровье, съездить в госпиталь, но тогда это даже с обидой воспринимали. Тем более молодые – что значит лечиться! Никто не считал себя больным, а тем более, если речь заходила о голове. Реабилитация нужна была, но должна была идти как-то незаметно и тактично. После года службы офицерам давали месяц отпуска. Передышка нужна была, но это было и опасно, очень тяжело возвращаться, снова привыкать. Люди рвались домой, мечтали о доме. Как все ждали писем... Мой механик-водитель, Паша, в результате контузии еле-еле видел одним глазом, несмотря на все увещевания, что надо сделать операцию, у него как раз срок службы вышел: «Только домой!». Пришлось отправлять его домой таким. А страна наша ничего не знала, дома нас ждали только родные. Через эту ситуацию в жизни прошли практически все, кто побывал в Афганистане.

Ощущения, что война заходит в тупик, не было, да и как-то не задумывались над такой проблемой. Мы были молодые... Не до раздумий было, особенно когда находишься в напряженной ситуации. Когда человек отстреливается

в бою, он не думает о высоких идеалах. Надо ли было нам ввязываться в эту войну... Может быть, и надо, но если бы я стоял у руководства – действовал какими-то другими методами. Кто мог тогда предвидеть негативные последствия, что очень дорого война обойдется для государства, экономики... Конечно, все – от гвоздя до патронов – приходилось туда привозить.

«Мы были заняты делом...»

В. Бирюков:

– Мы гордились, что служим в Афганистане, прекрасно понимали, что защищаем южные рубежи. Об интернациональном долге тогда меньше говорили. Вернулись из Афганистана, такое было чувство гордости!

Вернулись домой, власть – райком, комсомол – скоро поняла, что нас надо использовать: у нас опыт, влияние, надо «афганцев» занять. Но мы и сами этого хотели. Стали создавать патриотические клубы в школах, занимались с детьми. Наш потенциал тогда использовался, мы были заняты делом. Занимались с детьми очень серьезно, на базе Дзержинского учебного центра. Учили мальчишек стрелять, рукопашному бою, преодолевать полосу препятствий, жить в полевых условиях. Ребята, которые прошли нашу школу, потом попали воевать в Чечню, и многие остались живы благодаря тому, что мы передали им свой афганский опыт.

С. Подпечкин:

– После Афганистана служил в Таманской дивизии, окончил академию, затем в Коврове, в Забайкалье, и снова – в Нижний Новгород. Службу закончил заместителем начальника отдела по воспитательной работе 22-й армии. За Афганистан награжден медалью «За боевые заслуги».

«Этим должно заниматься государство...»

В. Бирюков:

– Организация «афганцев» в Ленинском районе была самая первая в нашем городе. Уже в 83—84 годах мы начали собираться, обсуждать наши проблемы. Сначала создали объединение воинов запаса. А потом, в 1987 году, был первый съезд воинов-интернационалистов. Из Горького нас на том съезде было 10 человек. В 1991 году объединение воинов запаса оформилось в областное отделение Российского Союза ветеранов Афганистана. За это время организацией сделано было много. Важнейшее дело – создание в парке «Швейцария» мемориального комплекса памяти погибших в Афганистане и других «горячих точках». Мы считаем его лучшим в России. Сколько нам ни предлагали удешевить его стоимость, мы не соглашались. А потом открыли здесь же стелу с именами нижегородцев, погибших в Афганистане и Чечне. 498 фамилий...

Деятельность областной организации воинов-«афганцев» – многогранная. Очень серьезно вели законотворческую работу, стараемся, чтобы депутаты не забывали ветеранов Афганистана. В свое время помогали получить нашим боевым товарищам образование – договаривались с ректорами, чтобы в институт принимали без экзамена. Одна из на-

ших главных задач – помогать семьям наших погибших боевых товарищей. То, что родители и члены семей погибших получают по 1-й тысяче рублей в месяц – это заслуга нашей организации. Ежегодно проводим несколько массовых мероприятий. Когда мне родители погибших ребят говорят, что если бы не вы, нас бы забыли, это приятно и в то же время грустно слушать: то, чем занимаемся мы, этим должно заниматься государство.

По-разному сложились судьбы тех, кто прошел Афганистан. Наверное, самая успешная, с точки зрения карьеры, – судьба Дмитрия Савельева. Он руководил «Норси», был депутатом Госдумы. Но таких успешных, которые пришли бы к нам в организацию и спросили: «Чем помочь?» – мало. Нам помогают те, у кого больше сердца, чем денег.

Ну, а Афганистан сегодня живет своей, восточной жизнью, подчас очень далекой от европейской...

Справка: сегодняшний Афганистан – крупнейший в мире производитель наркотиков. До 90 проц. героина, реализуемого в Европе, афганского происхождения. В наркобизнесе занято 22 проц. всего трудоспособного населения.

СОЛДАТСКИЙ ОПЫТ НЕ ПОМЕШАЕТ

Как работает областное объединение воинов запаса

«Стрелы Магомета» – так называли душманы реактивную артиллерию, в которой служил и Эдуард Бругге заместителем командира взвода. Вернулся из Афганистана, стал работать в речном училище. Но хотелось Эдуарду найти единомышленников, чтобы сообща вести военно-патриотическую работу.

В феврале 1988 года состоялся I слет воинов запаса, через год председателем совета объединения был избран Э. Ю. Бругге. Прошло два года, срок достаточный, чтобы объединение воинов запаса проявило себя.

Наш корреспондент встретился с Э. Ю. Бругге.

– *Эдуард Юрьевич, в нашем городе, наверное, не одна сотня воинов запаса разного возраста, но, думаю, многие еще просто не знают о существовании объединения, поэтому есть смысл рассказать: зачем оно было создано, каковы цели, направления его работы.*

– Организационно-учредителями объединения стали областной Совет народных депутатов, обкомы ВЛКСМ, ДО-

СААФ, областной совет профсоюзов. Отделения объединения работают сейчас почти во всех районах города и области. Мы участвовали во всех сборах инициативной группы Всесоюзной ассоциации воинов запаса и военно-патриотических клубов.

Зачем все это нужно? Считаю, что опыт, полученный нами в армии, может и должен работать на перестройку. У нас, воинов запаса, огромные возможности и, главное, желание готовить подростков к военной службе. Мы понимаем, как тяжело служить в армии, если не получил заранее необходимой подготовки. Пожалуй, нам с подростками и легче найти общий язык, мы для них свои, как старшие братья.

Но воспитание будущего солдата – не самоцель. С помощью военно-патриотического воспитания мы рассчитываем подготовить прежде всего гражданина, труженика, крепкого физически и нравственно, человека с чувством собственного достоинства, который бы не боялся трудностей, гордился тем, что он живет именно России.

Сейчас мы работаем над созданием постоянного областного военно-патриотического центра (ОВПЦ) при объединении воинов запаса. Направления его работы можно определить так: координация деятельности военно-патриотических клубов, а их, кстати, в области на сегодня 38, и занимаются там более двух тысяч подростков под руководством опытных инструкторов, прежде всего «афганцев», десантников, пограничников; вовлечение в военно-патриотическую деятель-

ность молодежи из неформальных объединений, в том числе «трудных» подростков, и всем вместе – содействие охране общественного порядка, предупреждению правонарушений среди подростков. Как теоретическая часть нашей деятельности – проведение разъяснительной работы об интернациональной миссии советского народа, повышение авторитета и престижа Вооруженных Сил. Практический метод работы – организация оборонно-спортивных лагерей, военно-патриотических клубов для занятий с подростками.

– А как сейчас обстоит дело с организацией таких лагерей!

– Нам приходится начинать почти с нуля. Все учредители объединения воинов запаса одобряют нашу деятельность, но вот помочь реально... Все упирается в создание материально-технической базы. а чтобы ее иметь, нужны прежде всего деньги. В городе есть несколько популярных среди подростков военно патриотических клубов, бывает, родители буквально упрасивают нас записать туда своего сына, и ребят оттуда вечером не выгонишь. Сколько раз мы убеждались, что все-таки спорт и вообще все, что так или иначе связано с армией, гораздо больше привлекает молодежь, чем дискотеки и сопутствующие им развлечения. Настоящий парень охотнее будет «качаться» в спортзале, чем трястись на дискотеке, думаю, и родители предпочтут первое. Особенно популярны такие клубы, как «Кобальт», где Дмитрий Кузнецов готовит разведчиков, «Пограничник» под ру-

ководством Дмитрия Нестерова, «Подвиг» – Владимира Дегтярева, «Десантник» – Сергея Некрасова. Этим клубам приходится самим создавать себе условия для занятий – где-нибудь в подвалах, в лучших случаях, при школах. Можно и нужно больше строить таких клубов, нашлись бы и инструкторы, но вот с оплатой их работы – вопрос сложный. Ставок мало, и они минимальны. Если бы инструкторы были освобожденные, то есть работали бы в клубах, то и эффект был бы значительнее. Своих же денег у нас нет.

– А как вы собираетесь решать свои финансовые проблемы!

– На спонсоров надежда небольшая. Наше объединение должно быть хозрасчетным, тем более что мы в состоянии сами заработать деньги. Для организации ОВПЦ нам надо 500 тысяч рублей, но средств этих финансовое управление облисполкома не дает, хотя в областном бюджете на организацию военно-спортивных лагерей выделяется 700 тысяч рублей в год. Деньги немалые, но используются они децентрализованно, нам из них ничего не перепадает.

– В идеале, видимо, должно стать так: на базе какой-либо воинской части организовать такой центр – со своей, переданной из армии техникой, помещениями.

– Пока это только мечта. Идет конверсия, сокращение армии, но это не значит, что военно-патриотическая работа должна сворачиваться.

Военно-патриотический центр должен иметь свои танки,

бронетранспортеры, конечно, непригодные для боевого использования, учебное стрелковое оружие, снаряжение, вообще, короче говоря, все необходимое для обеспечения лагеря примерно не полк. Мы могли бы через такой лагерь пропускать до трехсот человек в смену, допустим, — за десять дней. Готовить пехотинцев, разведчиков, десантников, водителей — кто требуется армии. За лето необходимую предармейскую подготовку могли бы получать все юноши — школьники девятых классов, учащиеся СПТУ. Они пришли бы в армию уже достаточно подготовленными и, уверен, с хорошим настроением не службу.

Что может быть в этом плохого? Крепкие и обученные, ребята перед армией — им только легче будет служить, каждый воин запаса это знает по себе, особенно «афганцы». Да и родители тогда могут быть спокойнее за своих сыновей — трагические случайности будут сведены к минимуму, ребята получают неплохую закалку заранее.

В ОВПЦ должны работать штатные инструкторы. Вся учебно-воспитательная работа, теоретические занятия будут осуществляться в соответствии с потребностями армии по программам, утвержденным областным управлением народного образования. Набор и комплектование секций ОВПЦ будет производиться из числа учащихся 5—10-х классов школ, учащихся СПТУ, студентов, молодых рабочих призывного возраста. Полный курс обучения — три года. Выпускники его после лагерных сборов будут получать

соответствующие свидетельства и иметь преимущественное право выбора рода войск при призыве на срочную службу.

– *У вас есть схема военно-патриотического центра!*

– Здесь мы планируем иметь три сектора: подготовки инструкторских кадров, где должны работать пять штатных работников, сектор организации клубной работы в районах и сектор постоянной подготовки инструкторов военно-патриотических клубов на базе ОВПЦ – семь постоянно работающих инструкторов, а также образцово-показательный военно-патриотический клуб с четырьмя инструкторами и 120 курсантами, где можно будет получить методические рекомендации для организации работы. Всего — 28 штатных работников в ОВПЦ. Но когда это будет, сказать трудно. Надеемся, что в этом году.

– *На днях состоялся II областной слет воинов запаса. Какие вопросы вы там решали?*

– Главный вопрос – о переформировании нашего объединения из любительского в хозрасчетное, профессиональное. Были гости. Был отчет о работе по направлениям. У нас есть сектор по операции «Долг», это работа с инвалидами-«афганцами», семьями погибших. И, конечно, обсуждение состояния работы с подростками, нашей хозяйственной деятельности, ее перспектив. Подготовили мы и предложения в государственную программу, направленную на решение вопросов, связанных с устройством жизни и быта «афганцев». У нас в области, кстати, проживает 4605 воинов-интер-

националистов, в том числе 71 инвалид, а также 151 семья погибших в Афганистане. Эти предложения мы обсуждали на слете.

Итак, областное объединение воинов запаса набирает силу. Впереди много интересных дел и начинаний, особенно учитывая сегодняшнюю обстановку в стране.

И последнее. Председатель областного объединения воинов запаса член обкома ВЛКСМ Эдуард Бругге выдвинут кандидатом в областной Совет, и именно от воинов запаса.

МАМЫ ПРОТИВ «ДЕДОВЩИНЫ»

Создан Нижегородский комитет солдатских матерей

«Здравствуйте, дорогие родители. Во-первых, хочу сообщить, что у меня случилась беда: я убил человека...» Это письмо сына из армии показали мне родители Дмитрия Королева на слете солдатских матерей, который состоялся 3 ноября в гарнизонном Доме офицеров.

Более ста мам, сыновья у которых служат или будут служить в армии, собрались здесь, чтобы создать Нижегородский комитет солдатских матерей. И почти каждая из них пришла сюда со своей болью, а то и горем. Не может не беспокоить родителей солдат обстановка, – сложившаяся сейчас в Советской Армии: многочисленные случаи избиений, самоубийств, убийств, извращений, садизма. Есть воинские части, побывав в которых, родители видели в казармах грязь, вшей, своих похудевших, а то и голодающих сыновей. Недалеки от истины и утверждения, что наших парней в некоторых регионах страны превращают в живые пограничные стены и что в сегодняшней армии у солдат порой отнято право на жизнь и на защиту собственного достоинства, «дедовщина» ломает не только кости, но и души, а стройбатовцы – ра-

бы в солдатской форме.

Естественно желание матерей увидеть внуков, а не памятники своим сыновьям на кладбищах.

– Сын попал в стройбат, – плачет женщина, сидящая рядом со мной, – там его так избивают, что два раза убегал жаловаться в военную прокуратуру. Вернется – никаких мер не принимают против виновных, а его опять бьют. И как его взяли армию: без четырнадцати зубов пошел служить.

Или такой факт: призвали в армию парня, у которого имеются признаки более десятка различных заболеваний. Какой из него солдат? В институт по состоянию здоровья не приняли, а в армию, оказалось, можно. Там он и погиб.

– Моего сына избили так, что в госпиталь положили, – рассказывает другая мама. – Приехала к нему, а у него уже и гастрит, и давление, а ведь здорового в армию отправляла. И какая служба: в стройбате лес валит.

– Сын в отпуск пришел с перебитым носом!

– А мой вернулся, смотрю: у него в паху синяк, отпечаток сапога.

И это еще не самое, страшное. Бывает и хуже.

– Сын попал во внутренние войска, в Московскую область, – рассказывает Н. Е. Фарафонова. – Прослужил всего три месяца, а сейчас в госпитале в тяжелом состоянии, две операции сделали. После отбоя поднял его «дед», дагестанец, разжалованный сержант, и давай сонного бить. И как: перитонит, травма черепа, гематомы. Трое суток его в казар-

ме скрывали и уж только потом отвезли в реанимацию. Били его, а никто из роты не заступился, хотя все сто двадцать человек видели. Сначала нам сообщили, что у сына аппендицит, а когда мы приехали – долго к нему не пускали. Офицеры не хотят с этим делом разбираться, полное бездушие, документы нам не показывают. Сын ушел в армию, был семьдесят килограммов весом, а сейчас пятьдесят. Подали в суд, но будут ли результаты? Даже телеграмму о состоянии его здоровья из госпиталя нам дали только через месяц.

Тяжело было все это слушать... К офицерам облвоенкомата и гарнизона, приглашенным на слет, прежде всего обращались матери. Вопросов было много, трудных вопросов, на которые ответить просто так невозможно.

– Почему российские парни должны разнимать кавказцев, а они служат у нас, да еще наших ребят бьют?

– У меня внук в Степанакерт попал, восемнадцатилетний против этих бородачей, автомат не умеет держать. Да лучше бы я за него отслужил! – говорит дедушка-ветеран.

– Пока в Советской Армии такие генералы, как Макашов и Язов, мы вам не доверяем, – кричат из зала.

Попытался объяснить мамам, почему в армии «дедовщина», начальник политотдела облвоенкомата Ю. Г. Новиков:

– Мы еще перед отправкой в войска говорим ребятам: «Не замыкайтесь, не молчите, сообщайте о всех случаях издевательств командирам или в военкомат». Но ребята боятся «дедов». И еще одна причина: много стало призывников

со слабым здоровьем. Это и оттого, что не хватает врачей-педиатров, на призывных комиссиях бывают ошибки. Тяжело с питанием, экологические проблемы...

Но, конечно, корни «дедовщины» не только в этом, и приказом министра обороны ее не запретишь. Вот что вспоминают бывшие солдаты, которым уже некого бояться, рассказывая об армии.

С. СЕРГЕЕВ, ныне рабочий:

– Служил в стройбате. В учебке у нас «дедовщины» вообще не было. Все одного призыва, все равны, и сержанты были хорошие. А когда попал в роту, там все было. Из ста восьмидесяти человек русских только пятнадцать, немцев из Киргизии и то больше – восемнадцать. Сорок украинцев, сорок – грузин, остальные азербайджанцы и другие, в основном из Средней Азии. Все, кроме русских, держались друг за друга, попробуй тронь кого из азербайджанцев. Украинцы держались вместе, а наши – дураки, и били их чаще. Драки каждый день. Я и сам челюсть ломал. Никому не поддавался, и меня боялись даже украинцы.

– А офицеры чего смотрели?

– Так и офицеры били. И их били. Но вот я бил только за дело, если не слушались «молодые». Кавказцы считают, что пол мыть и посуду – это женское дело, а почему это мы, русские, должны за ними убирать? Пока, бывает, в морду не дашь, он и не сделает. «Дедовщина» – это такая уж традиция, без нее нельзя. Ну почему «дед» перед дембелем дол-

жен, как «молодой», все делать?

В. МОРОЗОВ, сейчас мастер на заводе:

– Служил в мотострелковых войсках. В учебке было особенно тяжело, но «дедовщину» на себе ощутил и там. Сержанты как-то выпили, один наблевал, приказали: убирать. Пока «молодой» – вся грязь его. В армии не любят тихонь, слабых, им чаще всего и достается. И очень важно, как себя поставишь. Друзей-земляков надо иметь, да и вообще – что это за солдат, если он же себя не может защитить? Я был сержантом – никогда никого не обижал. А уж таких избиений, убийств не помню. Один солдат у нас застрелился в карауле из-за того, что девчонка изменила, а так все нормально было.

«...Если не можешь себя защищать...». Дмитрий Королёв, с письма которого мы начали этот рассказ, защитить себя, но при этом убил другого. История эта еще не закончилась, ему предстоит военный трибунал. Но и случай этот такой, что произойти в армии может с каждым. Пять дней его жестоко избивали солдаты-азербайджанцы. Друг Дмитрия накануне трагедии избитый, попал в госпиталь, а сам он в тот день, отбиваясь в столовой от пятерых, ударил одного из них жом. «Папа, – сказал он отцу при встрече, – если бы я его не убил, тогда ты бы приехал за гробом». Родителей убитого солдата командование незадолго до трагедии вызывало в часть, жалуясь на его хулиганство. Не приехали, сочли за шутку: командиры, как учителя в школе, вызывают родителей «нашалившего» солдата.

Конечно, нельзя безапелляционно утверждать, что вся наша армия больна «дедовщиной». Но тем не менее проблема эта есть, и она все более обостряется.

Для того и создаются комитеты солдатских матерей, чтобы помогать тем военнослужащим, кто попал в беду. Всем призывникам, куда бы они ни попали служить, даются теперь номера телефонов ближайшего комитета солдатских матерей, куда они могли бы обратиться. Мамы отныне будут присутствовать на призывных комиссиях, им бывает виднее, чем врачам и офицерам, можно ли служит парню и где ему будет легче. Комитеты солдатских матерей призваны оперативно реагировать на все случаи неуставных отношений в армии, издевательств, избиений и помогать попавшему в беду парню. Солдат должен знать, что в случае чего ему поможет мать, пусть и не его, но мать солдата, которая поймет все.

Комитеты солдатских матерей, конечно, не панацея от «дедовщины». Проблему надо решать комплексно всем обществом. На этом слете был и народный депутат РСФСР Б. Немцов. Вот его предложения:

– Старую армейскую структуру нельзя реанимировать. Генералы далеки от ваших забот, одиозно сейчас выглядят и политорганы. Армию нельзя быстро реорганизовать, это заскорузлая структура. Необходимо разработать основы для создания российской армии, которая была бы профессиональной. И начать надо с реорганизации внутренних войск в национальную гвардию, которая подчинялась бы Верхов-

ному Совету РСФСР. И роль комитета солдатских матерей в этом должна быть большой. Российский парламент имеет право приостановить призыв в армию. И мы так сделаем, если в Степанакерте будут оставаться российские парни...

Высказываний и предложений было много, нередко противоречивых. Но мысль у всех едина: армейские проблемы решать надо безотлагательно, и желательно – профессионально, если мы хотим иметь и надежную армию, и наших сыновей, вернувшихся из нее живыми и здоровыми.

12.11.90 г.

«КОНДОР» ПОДАЕТ СИГНАЛ БЕДСТВИЯ

Погода в тот день выдалась такая, что сразу вспомнилась поговорка про собаку и ее хорошего хозяина. Офицеры-пехотинцы же такую погоду без тени юмора называют «тактической». Холодный пронизывающий ветер с дождем не смутил в тот день ребят из нижегородских военно-патриотических клубов, проходивших аттестацию на звание курсанта городского военно-патриотического центра «Кондор».

Предстояло совершить семикилометровый марш-бросок с полной выкладкой пехотинца, за ним без остановки преодолеть полосу препятствий, а потом – стрельба из автомата. И лишь лучшие, а не все могли после этого рассчитывать на звание курсанта «Кондора» – своеобразной гвардии военно-патриотических клубов.

Тридцать два человека (кто был уверен в своих силах) прошли в тот день эту дистанцию. Остальные ребята были только зрителями.

Трудно было поверить, что этому парню ростом под 180 сантиметров всего 16 лет и он учится в школе.

– Павлович Женя, – представился он, – в военно-патриотическом клубе занимаюсь год. Хочу поступить в Рязань

ское воздушно-десантное училище и стать профессиональным военным. А здесь, в клубе, я чувствую себя настоящим мужчиной. С парашютом уже три раза прыгал.

Или Михаил Карасев. Его судьба – пример того, как должен бороться парень за свою мечту. Строгая медкомиссия признала его негодным к службе в армии, а Миша пошел в клуб «Панджшер», что при СПТУ №5, и за два года тренировок доказал врачам, что он годен к службе. Скоро уходит в армию.

Офицер разведбата Н-ской части, шефа «Кондора», с завистью сказал после того, как Дима Козинوف уложил автоматной очередью восьмую по счету мишень:

– Да, повезет какому-то командиру. Это же готовые солдаты!

А «готовому солдату» Диме Козинову всего 15 лет и учится он в Сормовском машиностроительном техникуме.

Среди ребят была в тот день и одна девушка: Лариса Ершова (11 «В» класс, школа №20). Наравне с парнями – кросс, полоса препятствий, а стреляла из автомата Лариса так метко, что позавидовал бы и опытный солдат.

Она тоже была среди тех девяти ребят, кто стал курсантом «Кондора» и получил форму – пятнистые маскхалаты разведчиков и шевроны клуба.

Экзамен был строгий, никаких поблажек и скидок на возраст. И этим ребятам, которым сейчас по 15—17 лет, служить в армии будет гораздо легче.

– Это уже почти профессионалы, – говорит Александр Трухин, руководитель клуба «Панджшер» Сам Александр служил в воздушно-десантных войсках, поэтому вправе давать такие оценки.

Сейчас в нашем городе 9 военно-патриотических клубов, в которых постоянно занимаются около 600 ребят, в основном учащиеся школ и ОПТУ. Занятия с ними ведут 40 инструкторов, бывших десантников, пограничников, многие из которых имеют боевой опыт. Эти парни для мальчишек, занимающихся в военно-патриотических клубах, как старшие братья. Авторитет их непререкаем, плохому они не научат. И тянутся ребята в такие клубы.

– Написал мне из армии, – рассказывает Сергей Некрасов, – один мой ученик. Как-то, еще в первые дни службы, его ночью разбудили «деды» и заставили отжиматься от пола. Он спокойно отжался сто шестьдесят раз. «Деда» обомлели, задумались и сразу стали его уважать.

Кто будет спорить – нужны или не нужны такие клубы в нашем городе? Ответ однозначен, потому что в военно-патриотических клубах ребят к службе в армии готовят практически и профессионально. Спокойнее и мамам этих ребят, потому что они уверены – «дедам» их сын не поддастся. Но между тем в организации воспитательной работы в этих клубах накопилось много проблем. Инструкторы ребятами занимаются в основном на общественных началах, на одном энтузиазме. Только трое из них получают зарплату в ЖЭУ,

да и то чисто символическую.

Главная проблема у военно-патриотических клубов: отсутствие средств. На ведение занятий и создание хотя бы минимальной материально-технической базы военно-патриотических клубов необходимо 234 тысячи рублей. Когда организаторы военно-патриотического центра «Кондор» при областном объединении воинов запаса обратились с заявкой на эту сумму в горисполком, то услышали: «А куда вы денете эти деньги?» Хотя, казалось бы, ясно куда; на зарплату инструкторам, закупку формы и тренажеров, оплату аренды помещений. И не абсурд ли: ребята просят у директора школы или СПТУ спортзал для занятий с их же учащимися, а тот требует деньги за аренду зала.

В городе нет денег на воспитательную работу с подростками? Да в каждом ЖЭУ есть статья расходов на эти цели и, как правило, эти деньги не используются.

Казалось бы, в крепком и обученном пополнении для армии должны быть заинтересованы райвоенкоматы, ДОСА-АФ, сама Советская Армия, но вот настоящей заботы о военно-патриотических клубах что-то не чувствуется. ДОСА-АФ небольшую сумму согласился выделить, но при условии, что дадут деньги и другие. У облвоенкомата средств нет. Обком ВЛКСМ – вроде небедная организация, но отстегнуть хотя бы толику от своих доходов никак возможности не найдёт.

Нужна сейчас военно-патриотическим клубам учебная

техника и форма. Но... был приказ министра обороны о запрете передачи техники в рабочем состоянии военно-патриотическим клубам. И вот техника стоит в бездействии на складах, а бывает, что и продается в разные гражданские организации. Полезно бы нашим военным перенять опыт США – там подобные клубы создаются на базе армии.

Если бы военно-патриотический центр «Кондор» имел свою учебную базу, средства, то мог бы ежегодно готовить для службы в армии сотни и тысячи парней. Пока в наших парламентах народные депутаты обсуждают, быть или не быть профессиональной армии, воины-интернационалисты в военно-патриотических клубах уже создают ее костяк.

В городской депутатской комиссии по делам молодежи на просьбу о помощи «Кондору» не откликнулись, и в горисполкоме организаторам «Кондора» не дали никакой надежды, что вскоре их центр получит средства для работы.

Жаль будет, если распадутся военно-патриотические клубы: сотни подростков хлынут на улицы, и где тогда гарантия, что не пополнят они криминальную среду?

27.12.90 г.

ЮНОСТЬ ПОД КИРЗОВЫМ САПОГОМ

Впечатления со съезда движения «Солдатские матери России», состоявшегося в Москве

В таблице со множеством фамилий напротив каждой – «злодейское убийство», «пьяное убийство», «умышленное отравление газом», «расстрелян», «избит до смерти», «убит с расчленением». Эти 18—20-летние ребята погибли не от рук фашистов, не при штурме рейхстага, даже не в афганских пустынях. Их убили в мирное время в Советской Армии. А матери провожали их в армию, чтобы они защищали Родину.

Убит садистом-прапорщиком, пьяным офицером, забит насмерть кирзовыми сапогами своими же сослуживцами... Солдаты погибают не только в забытых начальством и Богом дальних гарнизонах. «Застрелен замполитом у знамени части», «убит в военкомате», «убит напротив здания штаба округа», даже – «убит в караульном помещении у здания ЦК КПСС».

На сцене – сотни фотографий храбрых парней в армейской форме, и здесь же снимки – обезображенные лица в гро-

бах. С этими фотографиями на свой съезд в Москву приехали представители движения «Солдатские матери России». Доведенные до отчаяния, они приехали, чтобы потребовать у руководства страны и Вооруженных Сил СССР начать, наконец, решать застарелые армейские проблемы, сломать систему, в которой калечатся физически и морально молодые жизни.

С 1945 года в мирное время при прохождении службы в Советской Армии погибло 310 тысяч солдат. За пять лет перестройки – 15 тысяч, за 1990 год – 3900, даже сейчас, после неудавшегося путча и смены руководства в Вооруженных Силах, ежедневно по 25—30 цинковых гробов получают российские матери. И не только российские. А. Кайрис (из Литвы) убит в Калининграде, на третьем месяце службы. 24 сентября из Амурской области в независимую Литву привезли еще один цинковый гроб с литовским парнем. Неужели и этот не последний?

Безутешно горе матери, потерявшей единственного сына, и разве она не вправе знать, как погиб ее сын, увидеть его перед тем, как простится с ним навсегда?! Военная прокуратура, обязанная заниматься расследованием причин гибели военнослужащих, часто работает не на раскрытие, а на сокрытие преступлений. Примеров – сотни. Глумление – иначе не назвать такую, например, запись: «Причина смерти – подавился пищей». А мать, когда вскрыли гроб, увидела сына с выколотыми глазами. «Резкие гниlostные изменения тру-

па» – с такой записью получили родители И. Новаша извещение о его смерти на корабле в Персидском заливе.

– Сын сам рвался в армию, – рассказывает мама Саши Кудрявцева, нижегородца. – Служил десантником, здоровый был парень, а написали, что умер от острой сердечной недостаточности. Его бросили «деды» на электропровод высокого напряжения.

Вот еще выдержки из бесчисленных рассказов матерей погибших солдат.

– У сына отрезали все, что можно отрезать... Саша, говорила ему, не ходи ты в эту проклятую армию. Пошел... Такой был добрый, красивый...

– Его нашли в Амуре рыбаки, тело обезображено, конечности отрублены...

– Привезли гроб с сыном, а там гнилое месиво...

Их убивали и в первые дни службы, и за день до демобилизации. С. Лебедев из Мордовии «зверски казнен в день отправки домой», такую же смерть принял – С. Петров из Ярославля. А мать получила извещение, что он умер от рака печени.

«Живу, как в плену у эсэсовцев... Теперь мне не страшен Бухенвальд... Мама, меня, наверное, скоро убьют...»

«У меня вся грудь синяя, а врач не обращает внимания...» – это из солдатских писем. Бьют, «чтоб служба медом не казалась», просто так, от избытка дури, за то, что ты русский, литовец, армянин...

Ребята, убежавшие от издевательств «дедов» и приехавшие на съезд солдатских матерей, рассказывали мне такое, что невозможно пересказать даже мужчине. Есть в армии и такая каста – «опущенные». Солдат ходит в... лифчике, его используют как женщину... И это на глазах других, в том числе и офицеров. Чистить картошку в противогазе – это еще «милая армейская шутка».

«В 1988 году в нашем городе поселилась воинская часть №06951, – написали в Международное общество прав человека медики центральной районной больницы г. Давлеканова, – от того, что в части нет медсанбата, мы стали невольными свидетелями совершенно ненормальных явлений. Нет дня, чтобы на прием не приходил избитый солдат, а к нам в отделение госпитализируют самых тяжелых – с переломами конечностей, челюстей, носа, сотрясением головного мозга, травмами позвоночника. На ребят невозможно смотреть без слез! Они похожи на пленников концлагеря.

– В армию я попал из суворовского училища, – рассказал съезду А. Суменков, – раздумал быть офицером, когда посмотрел в училище, какие они на самом деле. Никто из нас не имел имени, только «козлы», «шакалы». Меня били за то, что я был суворовцем, сразу человек десять, а подстрекали прапорщики...

Вот что рассказал военный прокурор Печорского гарнизона (республика Коми) майор В. Власов:

– Проверяли один строительный батальон. Солдаты ра-

ботають по 12—14 часов. Изнурительный труд в нечеловеческих условиях. В батальоне волчьи обычаи. Из 330 человек списочного состава половина на лечении, еще сорок нуждались в срочной госпитализации. Теплыми вещами обеспечены на 40 процентов, постельные принадлежности используются по пятому сроку! Солдаты рассказали, что за год у них побывали 19 генералов. Дадут накачку, пообедают – и в самолет. А в батальоне ничего не меняется.

Были на съезде солдатских матерей и представители союза военнослужащих «Щит». Старший прапорщик В. Велико рассказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.